

Р 1/350

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

 538
 146

НАШИ ЗАВАННИКИ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Совѣсть очистилъ.—Въ опустѣлыхъ дачахъ.—Яхтъ-клубскій офицеръ.—Москвичъ и питерецъ.—Въ гостяхъ у пристава.—Дачные сосѣди.—Около дачной иллюминаціи.—Лососина.—Передъ отъѣздомъ съ дачи.—На Царицыномъ лугу.—Заговорщикъ.—„Горячее сердце“ и „На пожарахъ“.—Въ Михайловскомъ скверѣ.—Свадебный столъ.—Передъ акробатами.—Наемъ гувернантки.—Въ „конкѣ“.—Послѣ спектакля.—Передъ пѣтушьимъ боемъ.—Баба.—По газетному объявленію.—Около Егерскихъ казармъ.—Въ Монументной лавкѣ.—На открытіи итальянскаго сезона.—За рубкой капусты.—Турецкая компанія.—Практическіе совѣты.—Третья жена.—У театра.—Крашеный купецъ.—Въ трактирѣ.—Вставные зубы.—Имянины кухарки.—Званный вечеръ.—Электрическое освѣщеніе.—Въ музеѣ Лента.—Передъ военной повинностью.—При чтеніи афиши.—При вынутіи жребія.—Игра въ фанты.—Въ Приказчиьемъ клубѣ.—Современный ревнивецъ.—Въ концертѣ консерваторіи.—Въ день Рождества.—Надгробный мавзолей.—Уха.—Предъ праздникомъ.—Около Гатаринскихъ мостковъ.—У татаръ на Крестовскомъ.—Страданія среди удовольствій (V рассказовъ).—Два игрока.—Гадалка.—Изъ балаганнаго міра.—Около самоѣдовъ.—Первое марта.—У Виржи.—Полученіе процентовъ.—Постный именинникъ.—Кислая капуста.—На тройкѣ.—Новая двадцати-пяти-рублевка.—Объ опытахъ гипнотизма.—Ахаль-текинская экспедиція.—Изъ эпохи Петербургской лжецумы (XII рассказовъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.

1881.

наго напущенія, какъ ни фальшивъ съ душой, а видно еще стаканчикъ съ бальзамчикомъ выпить надо! Ничего не подѣлаешь, сама душа требуетъ пятачковаго раззорѣнія. Ну-ко дядя, понажми въ стаканчикъ! крикнулъ онъ буфетчику.

АХАЛЬ-ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

В ТАБАЧНУЮ лавку въ одной изъ отдаленныхъ отъ городского центра улицъ зашелъ обойщикъ, имѣющій свою мастерскую по сосѣдству съ табачной лавкой. Обойщикъ былъ ежедневнымъ покупателемъ десятка сигаръ фабрики Крафта въ двугривенный за пачку. Въ табачной лавкѣ сидѣлъ уже тоже обычный покупатель кропенаго табаку, отставной солдатъ, занимающійся маклачествомъ на аукціонахъ. Табачникъ, пожилой человѣкъ въ серебряныхъ очкахъ на носу, большой охотникъ до газетнаго чтенія, читалъ ему извѣстія объ Ахаль-Текинской экспедиціи. Обойщикъ молча протянулъ табачнику руку и сталъ прислушиваться къ чтенію и дослушалъ его до конца.

— Опять воюемъ, сказалъ онъ табачнику, когда тотъ отложилъ газету въ сторону и въ заключеніе чтенія высморкался въ красный ситцевый платокъ такъ громко, какъ будто бы сыгралъ небольшое соло на трубѣ.

— Да ужъ совсѣмъ безъ войны нельзя, иначе какая-же это держава?... отвѣчалъ табачникъ, свертывая въ трубочку носовой платокъ и утюжа имъ подъ носомъ.— Войско есть, набрано, такъ надо-же воевать, чтобы оно не застаивалось.

— Какъ держава-то, супротивъ которой мы идемъ? спросилъ обойщикъ.

— Ахаль-Текинская. А городъ ихъ Геокъ-Тепе прозывается, сказалъ табачникъ, заглянувъ въ газету.

— Да это даже и не держава, поправилъ маклакъ изъ

отставныхъ солдатъ.—Какая это держава! Просто дикая дикость во всей своей своевольности.

— Ну, Скобелевъ ее стреножить. Супротивъ его немного насвоевольничаешь. Пожалуй, къ веснѣ и мурзу ихъ главнаго сюда плѣннаго привезутъ.

— Сюда-то не привезутъ. А прямо въ Калугу. Тамъ и сдадутъ на храненіе, опять возразилъ маклакъ.—Калуга ужъ такое мѣсто. Туда всѣхъ сдаютъ этихъ самыхъ. Тамъ и Шамиль съ Кавказа жилъ.

— Все таки на показъ-то простому народу привезутъ.

— Ну, на показъ-то можетъ статья, привезутъ, а потомъ опять въ Калугу. Дадутъ ему пятокъ женъ—и лежи съ ними на коврѣ да кури трубку.

— То-то... А то какая-же это война безъ показа мурзы послѣ замиранія.

— Да это и не война.

— Какъ не война, коли нашего генерала ранили, офицеровъ убили, солдатъ тоже...

— Ничего не обозначаетъ. А все-таки это не война, а только усмиреніе. Большая война кончилась, безъ непріятелевъ державѣ нельзя жить—вотъ и пошли на усмиреніе. И хотъ пятьдесятъ тысячъ положить нашихъ и ихнихъ, а все-таки это будетъ не война, а усмиреніе. Ежели съ азіатами, то войны никогда не бываетъ, а только усмиреніе, пояснилъ маклакъ.

— Значить, нашихъ тамошнихъ азіатскихъ братьевъ-славянъ начали обижать, а мы за нихъ и пошли? допытывался обойщикъ.

— Сами за себя пошли. Никакихъ тамъ братьевъ-славянъ нѣтъ.

— Супротивъ кого-же взбунтовали эти самые нахаль-микинцы, что мы ихъ усмирять пошли?

— Да они вовсе и не бунтовались, а сидѣли себѣ по своей дикости въ степи. Ну, мы и пошли усмирять ихъ дикость. Чудакъ человѣкъ, дикаго человѣка нешто безъ усмиренія можно оставить! Онъ тебѣ такихъ вертуновъ надѣлаетъ, что и...

— Неслышать что-то было прежде про такихъ нахаль-микинцевъ?

— Откуда-же слышать-то? Насилу нашли ихъ. Народъ дикій, въ неизвѣстности пропадалъ. Послали спервоначала одного гене-

рала, чтобъ ихъ искать. Тотъ искалъ, искалъ—нѣтъ никакихъ текинцевъ. Тогда ужъ послали Скобелева и тотъ нашелъ. Увидали его, испугались и побѣжали. Онъ за ними. Наконецъ нагналъ. «Сдавайтесь, говорить». Ну, они, извѣстно, непокорные—не сдаются. Тогда сейчасъ пальба. И вотъ какъ городъ ихъ возьмутъ, тогда и выйдетъ усмиреніе.

— А городъ хорошій? съ морями?

— Кто-жъ его знаетъ, коли его никто никогда не видалъ. Да намъ города и не нужно, намъ только-бы усмиреніе было. Куда намъ города-то? Намъ хотъ своихъ отбавляй.

— Невѣрные они, эти микинцы?

— Само-собой неvēрные, мухоѣданину своему кланяются. Тамъ ужъ какъ въ Азію перешагнулъ—все неvēрные, другихъ и нѣтъ.

— Вѣрные были-бы, такъ съ ними война, а не усмиреніе, поддакнулъ табачникъ.

— А вотъ турки тоже неvēрные, однако съ ними война была, а не усмиреніе, возразилъ обойщикъ.

— Ну, съ ними по старому знакомству. И наконецъ турки все-таки держава, потому въ Портѣ живутъ и Оттоманская имперія у нихъ есть. Кто въ Портѣ, съ тѣмъ воевать не конфузно, а кто въ степи шляется, для тѣхъ достаточно и усмиренія. Правильно я, Власть Амосычъ?.. спросилъ табачникъ маклака.

— Само-собой. Текинцы это все равно, что Кавказъ непокорный былъ. Кавказъ у насъ былъ что? Когда у насъ войны не было, мы Кавказъ усмирять ходили, а теперь ежели Кавказъ усмиренъ—текинцевъ разыскали и ихъ усмирять начали.

— А ежели текинцевъ усмиримъ? Тогда за кого примемся?

— Опять кого-нибудь искать надо. Да тамъ въ степи найдутся.

— Усмиреніе тоже при пушкахъ производится?

— При пушкахъ, все какъ слѣдуетъ. И митральеза есть и торпеда, но только все это на верблюдахъ везутъ, а не на лошадахъ. Такъ ужъ это завсегда при усмиреніи положено. Съ верблюда и пальба идетъ. Вотъ мониторъ—этотъ берутъ только на войну.

— Да ужъ ежели въ степи, такъ какой же мониторъ? возразилъ табачникъ.—Вѣдь мониторъ—это корабль.

— Всякій мониторъ есть. Есть и пѣшеходные мониторы, а только много чести для усмиренья, чтобы ихъ брать съ собой, хлопотъ не стоитъ. Да генераль Скобелевъ и не любитъ.

— Вотъ, не слыхалъ я про сухопутные мониторы... покачалъ головой табачникъ.

— Торпеда сухопутная есть, такъ отчего-же монитору сухопутному не быть? Запретъ въ него тысячу верблюдовъ—вотъ онъ и ѣдетъ на колесахъ. По степи свободно. Да можно туда и морской мониторъ пригнать, потому степи бываютъ и съ морями, а только Скобелевъ этого не любитъ.

— А ловко-бы было ихъ мониторомъ поугаждать! воскликнулъ обойщикъ.—Сейчасъ-бы подобрали халаты и пардонъ...

— И торпеды съ митральезой довольно. Пардонъ будетъ.

— Все-таки-бы за ихъ звѣрства микинскія...

— Да они звѣрствъ и не дѣлали. А сидѣли себѣ въ халатахъ съ женами да трубки курили.

— Это микинцы-то или текинцы? Какъ ихъ? Нахаль-текинцы...

— Ну, да... Надъ кѣмъ тамъ звѣрствовать, коли никого нѣтъ? Одна степь да около нея море. И самихъ-то текинцевъ насилу нашли на китайской дорогѣ, гдѣ-то близъ Индѣйскаго царства. Когда ихъ нашли, они даже удивились. Прислали переводчика. «Чего, говорятъ, вамъ надо»? А наши имъ отвѣчаютъ: «мы васъ усмирять пришли въ вашей дикости». Ну, тѣ сейчасъ стрѣляютъ. А какъ узнали, что тутъ самъ генераль Скобелевъ существуетъ—сейчасъ и побѣжали. Бѣжали, бѣжали—вдругъ море, ну, и остановились въ своемъ городѣ. Какъ городъ-то?

Табачникъ опять заглянулъ въ газету и сказалъ:

— Геокъ-Тепе.

— Ужъ и названіе-же придумали! Языкъ сломишь, покачалъ головой обойщикъ.— Кто-жъ у нихъ главнокомандующій паша?

— У нихъ, у этихъ самыхъ дикихъ народовъ, пашей не бываетъ, да и главнокомандующихъ никакъ не называютъ, а просто мурза.

— Бѣлой масти народъ?

— Пестрые, не задумываясь отвѣчалъ маклакъ.— По Азіи, какъ тысячу верстъ отъ Кавказа отъѣдешь—сейчасъ пестрые

народы начинаются, потому они отъ черной бабы и бѣлаго мужчины. Ну, и выходятъ иные полосами, иные крапинками.

— Чудно и усмирять-то такой народъ, сказалъ табачникъ.

— И не хотѣли мы, да китайцы намъ по трусости на нихъ указали. Хотѣли мы идти китайцевъ усмирять, а вотъ здѣшніе китайскіе посланники намъ и говорятъ: «чего вамъ насъ, китайцевъ, усмирять? Идите вы лучше въ азіатскую степь, разищите тамъ пестрыхъ текинцевъ и усмиряйте ихъ, сколько хотите». Ну, наши подумали: «дѣйствительно, китаецъ намъ человѣкъ нужный, потому онъ чай поставляетъ, такъ зачѣмъ его тревожить?». Взяли и пошли текинца разыскивать да усмирять.

— Ну, и пускай ихъ усмиряютъ, а ты дай мнѣ десятокъ цигарокъ фабрики Крафта изъ моего придворнаго сорта, заключилъ обойщикъ, обращаясь къ табачнику.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

1881.

ЯНВАРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Финансы. Гражданинъ оскорбленный въ Оерситѣ. Увѣнчаніе снизу и музыканты. Говорильня и говоруны.

Господи, неужели и я, послѣ трехъ лѣтъ молчанія, выступлю, въ возобновленномъ „Дневникѣ“ моемъ, съ статьей экономической? Неужели и я экономистъ, финансистъ? Никогда таковыми не былъ. Несмотря даже на теперешнее повѣтріе, не заразился экономизмомъ и вотъ туда же за вѣми выступаю съ статьей экономической. А что теперь повѣтріе на экономизмъ — въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Теперь всѣ экономисты. Всякій начинающійся журналистъ смотритъ экономистомъ и въ смыслѣ этомъ рекомендуется. Да и какъ не быть экономистомъ, кто можетъ теперь не быть экономистомъ: паденіе рубля, дефицитъ! Этотъ всеобщій экономическій видъ появился у насъ на-

болѣе въ послѣдніе годы, послѣ нашей турецкой кампаніи. О, и прежде у насъ разсуждали много о финансахъ, но во время войны и послѣ войны всѣ бросились въ финансы по преимуществу, — и опять-таки, конечно, все это произошло натурально: рубль упалъ, займы на военные расходы и проч. Но тутъ, кромѣ собственно рубля, была и отместка, да и теперь продолжается, именно за войну отместка: „мы, дескать, говорили, мы предрекали“. Особенно пустились въ экономизмъ тѣ, которые говорили тогда, въ семьдесятъ шестомъ и седьмомъ годахъ, что денежки лучше великодушія, что восточный вопросъ одно баловство и фикція, что не только подъема духа народнаго нѣтъ, не только война не народна и не національна, но, въ сущности, и народа-то нѣтъ, а есть и пребываетъ по прежнему все та же косная масса, нѣмая и глухая, устроенная къ платежу податей и къ содержанію интеллигенціи; масса, которая

бытую, ибо до Крылова-ли въ нашъ теперешній дѣловой и метущійся вѣкъ? Эта басенка невольно припомнилась мнѣ еще когда я началъ собираться писать мою статью о финансахъ и объ оздоровленіи корней. У Крылова она имѣетъ прекрасное правоученіе, но на другую тему, на тему о другихъ корняхъ. Но это все равно, она и къ намъ подходящая. Вотъ эта басня:

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись выспалась подъ нимъ,
Потомъ, глаза продравши, встала.
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
„Вѣдь это дереву вредить“—
Ей съ дубу Воронъ говоритъ:
„Коль корни обнажишь, оно засохнуть можеть“.

— „Пусть сохнетъ“, говоритъ Свинья:
„Ничуть меня то не тревожить;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю,
Лишь были-бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю“.
— „Неблагодарная! примолвилъ Дубъ ей тутъ:
„Когда-бы вверху могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ“.

Хороша басенка? И неужели мы согласимся походить на такой портретъ?

III.

Геокъ-Тепе. Что такое для насъ Азія?

Геокъ-Тепе взять, текинцы разбиты и хотя еще вполнѣ не усмирены, но наша побѣда несомнѣнна. Въ обществѣ и въ печати возликовали. А давно-ли еще въ обществѣ, да и въ печати отчасти, къ этому дѣлу относились чрезвычайно равнодушно. Особенно послѣ неудачи генерала Ломакина и въ началѣ приготовленій къ вторичному наступленію. „И зачѣмъ намъ туда, и

чего намъ далась эта Азія, сколько денегъ истрачено, тогда какъ у насъ голодъ, дифтеритъ, нѣтъ школъ, и проч., и проч.“ Да, эти мнѣнія раздавались и мы ихъ слышали. Не всѣ вообще были этого мнѣнія,—о, нѣтъ,—но все-же надо сознаться что къ нашей наступательной политикѣ въ Азіи въ послѣднее время весьма многіе стали-было относиться непріязненно. Правда, помогла тутъ и неизвѣстность о предпринятой экспедиціи. Въ самое послѣднее только время стали проскакивать у насъ извѣстія изъ иностранныхъ газетъ, и только подъ самый конецъ раздались по всей Россіи телеграммы Скобелева. Тѣмъ не менѣе и во всякомъ случаѣ трудно сказать, чтобы общество наше было проникнуто яснымъ сознаниемъ нашей миссіи въ Азіи и того что собственно для насъ значить и могла бы значить впредь Азія. Да и вообще вся наша русская Азія, включая и Сибирь, для Россіи все еще какъ будто существуютъ въ видѣ какого-то привѣска, которымъ какъ бы вовсе даже и не хочетъ европейская наша Россія интересоваться. „Мы, дескать, Европа, что намъ дѣлать въ Азіи?“ Бывали даже и очень рѣзкіе голоса: „ужъ эта наша Азія, мы и въ Европѣ-то не можемъ себѣ порядка добыть и устроиться, а тутъ еще суютъ намъ и Азію. Лишняя вовсе намъ эта Азія, хоть бы ее куда-нибудь дѣтъ!“ Эти сужденія иногда и теперь раздаются у умниковъ нашихъ, отъ очень ихъ большого ума, конечно.

Съ побѣдой Скобелева пронесется гулъ по всей Азіи, до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ ея: „Вотъ, дескать, и еще одинъ свирѣпый и гордый правовѣрный народъ Вѣлому Царю поклонился“. И пусть пронесется гулъ. Пусть въ этихъ милліонахъ народовъ,

до самой Индіи, даже и въ Индіи, пожалуй, растетъ убѣжденіе въ непобѣдимости Бѣлаго Царя и въ несокрушимости меча его. А вѣдь послѣ неудачи генерала Ломакина непремѣнно должно быть пронеслось по всей Азіи сомнѣніе въ несокрушимости—меча нашего и русскій престижъ навѣрно былъ поколебленъ. Вотъ почему мы и не можемъ остановиться на этой дорогѣ. У этихъ народовъ могутъ быть свои ханы и эмиры, въ умѣ и въ воображеніи ихъ можетъ стоять грозой Англія, силъ которой они удивляются,—но имя Бѣлаго Царя должно стоять превыше хановъ и эмировъ, превыше Индѣйской императрицы, превыше даже самаго калифова имени. Пусть калифъ, но Бѣлый Царь есть царь и калифу. Вотъ какое убѣжденіе надо чтобъ утвердилось! И оно утверждается и нарастаетъ ежегодно, и оно намъ необходимо, ибо оно ихъ пріучаетъ къ грядущему.

— Для чего и къ какому грядущему? Какая необходимость въ грядущемъ захватѣ Азій? Что намъ въ ней дѣлать?

Потому необходимость, что Россія не въ одной только Европѣ, но и въ Азій; потому что русскій не только европеецъ, но и азіатъ. Мало того: въ Азій можетъ быть еще больше нашихъ надеждъ чѣмъ въ Европѣ. Мало того: въ грядущихъ судьбахъ нашихъ можетъ быть Азія-то и есть нашъ главный исходъ!

Я предчувствую негодованіе, съ которымъ прочтутъ иные это ретроградное предположеніе мое (а оно для меня аксіома). Да, если есть одинъ изъ важнѣйшихъ корней, который надо бы у насъ оздоровить, такъ это именно взглядъ нашъ на Азію. Надо прогнать лакейскую боязнь, что насъ назовутъ въ Европѣ азіатскими варварами, и скажутъ про насъ, что мы азіаты еще болѣе чѣмъ европейцы. Этотъ стыдъ, что насъ Ев-

ропа сочтеть азіатами, преслѣдуетъ насъ ужъ чуть не два вѣка. Но особенно этотъ стыдъ усилился въ насъ въ нынѣшнемъ девятнадцатомъ вѣкѣ и дошелъ почти до чего-то паническаго, дошелъ до „металла и жупела“ московскихъ купчихъ. Этотъ ошибочный стыдъ нашъ, этотъ ошибочный нашъ взглядъ на себя единственно какъ только на европейцевъ, а не азіатовъ (каковыми мы никогда не переставали пребывать),—этотъ стыдъ и этотъ ошибочный взглядъ дорого, очень дорого стоили намъ въ эти два вѣка и мы заплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и наконецъ деньгами, деньгами, которыхъ Богъ знаетъ сколько ушло у насъ на то, чтобы доказать Европѣ, что мы только европейцы, а не азіаты. Но толчекъ Петра вдвинушаго насъ въ Европу, необходимый и спасительный вначалѣ, былъ всетаки слишкомъ силенъ и тутъ отчасти уже не мы виноваты. И чего-чего мы не дѣлали, чтобъ Европа признала насъ за *своихъ*, за европейцевъ, за однихъ только европейцевъ, а не за татаръ Мы лѣзли къ Европѣ поминутно и неустанно, сами напрашивались во всѣ ея дѣла и дѣлишки. Мы то пугали ее силой, посылали туда наши арміи „спасать царей“, то склонялись опять передъ нею, какъ не надо бы было, и увѣряли ее, что мы созданы лишь чтобъ служить Европѣ и сдѣлать ее счастливою. Въ двѣнадцатомъ году, выгнавъ отъ себя Наполеона, мы не помирились съ нимъ, какъ совѣтовали и желали тогда нѣкоторые немногіе прозорливые русскіе люди, а двинулись всей стѣной осчастливить Европу, освободивъ ее отъ похитителя. Конечно, вышла картина яркая: съ одной стороны шелъ деспотъ и похититель, съ другой—миротворецъ

и воскреситель. Но политическое счастье наше состояло тогда вовсе не въ картинѣ, а въ томъ, что этотъ похититель былъ именно тогда въ такомъ положеніи, въ первый разъ во всю свою карьеру, что помирился бы съ нами крѣпко-на-крѣпко и искренно, и на долго, можетъ быть навсегда. За условіе, что мы не будемъ ему мѣшать въ Европѣ, онъ отдалъ бы намъ Востокъ, и теперешній Восточный вопросъ нашъ,—гроза и бѣда нашего текущаго и нашего будущаго,—былъ бы уже теперь давно разрѣшенъ. Похититель это самъ говорилъ потомъ, и навѣрно не лгалъ говоря, ибо ничего то бы онъ не могъ лучше сдѣлать какъ впредъ быть съ нами въ союзѣ, съ тѣмъ чтобъ у насъ былъ Востокъ, а у него Западъ. Съ европейскими народами онъ бы навѣрно справился и тогда. Они же были слишкомъ еще слабы тогда, чтобъ намъ помѣшать на Востокѣ, даже Англія. Наполеонъ можетъ быть и палъ бы потомъ, или послѣ его смерти династія его, а Востокъ остался бы всетаки за нами. (У насъ тогда было-бы море и мы могли бы даже и на морѣ Англію встрѣтить). Но мы все отдали за картинку. И что-же: всѣ эти освобожденные нами народы тотчасъ-же, еще и не добивъ Наполеона, стали смотрѣть на насъ съ самымъ яркимъ недоброжелательствомъ и съ злѣйшими подозрѣніями. На конгрессахъ они тотчасъ противъ насъ соединились вмѣстѣ сплошной стѣной и захватили себѣ все, а намъ не только не оставили ничего, но еще съ насъ же взяли обязательства, правда добровольныя, но весьма намъ убыточныя, какъ и оказалось впоследствии. Затѣмъ, не смотря на полученный урокъ,—что дѣлали мы во всѣ остальные годы столѣтія и даже донинѣ? Не мы-ли способствовали укрѣпленію германскихъ дер-

жавъ, не мы-ли создали ихъ силу до того, что они можетъ быть теперь и сильнѣе насъ стали? Да, сказать что это мы способствовали ихъ росту и силѣ вовсе не преувеличенно выйдетъ. Не мы-ли, по ихъ зову, ходили укрощать ихъ междоусобіе, не мы-ли оберегали ихъ тылъ, когда имъ могла угрожать бѣда? И вотъ—не они-ли, напротивъ, выходили къ намъ въ тылъ, когда намъ угрожала бѣда, или грозили выйти намъ въ тылъ, когда намъ грозила другая бѣда? Кончилось тѣмъ что теперь всякій-то въ Европѣ, всякій тамъ образъ и языкъ держитъ у себя за пазухой давно уже припасенный на насъ камень, и ждетъ только перваго столкновенія. Вотъ что мы выиграли въ Европѣ столь ей служба? Одну ея ненависть! Мы сыграли тамъ роль Репетилова, который, гоняясь за фортуной

„Приданого взялъ шишъ, по службѣ ничего“

Но почему эта ея ненависть къ намъ, почему они всѣ не могутъ никакъ въ насъ увѣриться разъ навсегда, повѣрить въ безвредность нашу, повѣрить что мы ихъ друзья и слуги, добрые слуги, и что даже все европейское назначеніе наше—это служить Европѣ и ея благоденствію. (Потому что развѣ не такъ, не то же-ли самое дѣлали мы во все столѣтіе, развѣ сдѣлали мы что для себя, развѣ добились чего себѣ? Все на Европу пошло!) Нѣтъ, они не могутъ увѣриться въ насъ! Главная причина именно въ томъ состоитъ, что они не могутъ никакъ насъ *своими* признать.

Они ни за что и никогда не повѣрятъ, что мы во истину можемъ участвовать вмѣстѣ съ ними и наравнѣ съ ними въ дальнѣйшихъ судьбахъ ихъ цивилизаціи. Они признали насъ чуждыми своей цивилизаціи, пришельцами,

самозванцами. Они признають насъ за воровъ, укравшихъ у нихъ ихъ просвѣщеніе, въ ихъ платьѣ перерядившихся. Турки, семиты, имъ ближе по духу чѣмъ мы, аріицы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: Идею мы несемъ вовсе не ту чѣмъ они въ человѣчество — вотъ причина! И это не смотря на то, что наши „русскіе европейцы“ изъ всѣхъ силъ увѣряють Европу, что у насъ нѣтъ никакой идеи, да и впредь быть не можетъ, что Россія и не способна имѣть идею, а способна лишь подражать, что дѣло тѣмъ и кончится что мы все будемъ подражать, и что мы вовсе не азіаты, не варвары, а совсѣмъ, совсѣмъ какъ они, европейцы. Но Европа нашимъ русскимъ европейцамъ на этотъ разъ по крайней мѣрѣ не повѣрила. Напротивъ, въ этомъ случаѣ она, такъ сказать, совпала въ заключеніяхъ своихъ съ славянофилами нашими, хотя ихъ не знаетъ вовсе, и только развѣ слышала объ нихъ кое-что. Совпаденіе же именно въ томъ, что и Европа вѣрить, какъ и славянофилы, что у насъ есть „идея“, своя, особенная и не европейская, что Россія можетъ и способна имѣть идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знаетъ, — ибо еслибъ знала, такъ тотчасъ же бы успокоилась, даже обрадовалась. Но узнаетъ непременно когда нибудь, и именно когда наступитъ самая критическая минута въ судьбахъ ея. Но теперь она не вѣритъ; признавая за нами идею, она боится ея. И наконецъ мерзимъ мы ей, мерзимъ, даже лично, хотя тамъ и бываютъ иногда съ нами вѣжливы. Они, напримѣръ, охотно сознаются, что русская наука можетъ выставить уже нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей, представить нѣсколько хорошихъ работъ, даже послужившихъ уже ихъ европейской наукѣ въ пользу.

Но ни за что однако же не повѣритъ теперь Европа, что у насъ въ Россіи могутъ родиться не одни только работники въ наукѣ (хотя бы и очень талантливые), а и геніи, руководители человечества, въ родѣ Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не повѣрятъ, ибо въ цивилизацію нашу не вѣрятъ, а нашей грядущей идеи еще не знаютъ. По настоящему, они и правы: ибо и впрямь не будетъ у насъ ни Бэкона, ни Ньютона, ни Аристотеля, доколѣ мы не станемъ сами на дорогу и не будемъ духовно самостоятельными. Во всемъ остальномъ то же, въ нашихъ искусствахъ, въ промышленности: Европа насъ готова хвалить, по головкѣ гладить, но своими насъ не признаетъ, презираетъ насъ втайнѣ и явно, считаетъ низшими себя какъ людей, какъ породу, а иногда такъ мерзимъ мы имъ, мерзимъ вовсе, особенно когда имъ на шею бросаемся съ братскими поцѣлуями.

Но отъ окна въ Европу отвернуться трудно, тутъ фатумъ. А между тѣмъ Азія — да вѣдь это и впрямь можетъ быть нашъ исходъ въ нашемъ будущемъ, — опять восклицаю это! И еслибъ совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеи — о, какой бы корень былъ тогда оздоровленъ! Азія, азіатская наша Россія, — вѣдь это тоже нашъ больной корень, который не то что освѣжить, а совсѣмъ воскресить и пересоздать надо! Принципъ, новый принципъ, новый взглядъ на дѣло — вотъ что необходимо!

IV.

Вопросы и отвѣты.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ? послышится голоса уже раздраженные, — азіатскія наши дѣла и теперь требуютъ отъ насъ

безпрерывно войска и затратъ непроизводительныхъ. И какая тамъ промышленность? Гдѣ ихъ товары, гдѣ найдете вы тамъ потребителей нашихъ товаровъ? И вотъ вы приглашаете насъ, неизвѣстно зачѣмъ, отвернуться отъ Европы на вѣки!

— Не на вѣки—(продолжаю я стоять на своемъ),—а временно, и опять таки несовѣмъ, не совершенно вѣдь оторвемся, какъ бы ни отрывались. Намъ нельзя оставлять Европу совѣмъ, да и не надо. Это „страна святыхъ чудесъ“, и изрекъ это самый рьяный славянофилъ. Европа намъ тоже мать, какъ и Россія, вторая мать наша; мы много взяли отъ нея, и опять возьмемъ, и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными. Я про будущее великое значеніе въ Европѣ народа русскаго (въ которое вѣрую) сказалъ было одно словцо прошлаго года на пушкинскихъ празднествахъ въ Москвѣ,—и меня всѣ потомъ забросали грязью и бранью, даже и изъ тѣхъ, которые меня обнимали тогда за слова мои,—точно я какое мерзкое, подлѣйшее дѣло сдѣлалъ, сказавъ тогда мое слово.

Но можетъ быть не забудется это слово мое. Объ этомъ, впрочемъ, теперь довольно. Но все же мы въ правѣ о перевоспитаніи нашемъ и объ исходѣ нашемъ изъ Египта позаботиться. Ибо мы сами изъ Европы сдѣлали для себя какъ бы какой-то духовный Египетъ.

— Позвольте, прервутъ меня, да чѣмъ же намъ Азія придастъ самостоятельности? Заснемъ тамъ по-азіатски, а не станемъ самостоятельными!

— Видите-ли, — продолжаю я, — съ поворотомъ въ Азію, съ новымъ на нее взглядомъ нашимъ, у насъ можетъ явиться нѣчто въ родѣ чего-то такого, что случилось съ Европой, когда от-

крыли Америку. Ибо во истину Азія для насъ та-же не открытая еще нами тогдашняя Америка. Съ стремленіемъ въ Азію у насъ возродится подъемъ духа и силъ. Чуть лишь станемъ самостоятельными,—тотчасъ найдемъ что намъ дѣлать, а съ Европой, въ два вѣка, мы отвыкли отъ всякаго дѣла и стали говорунками и лѣнтями.

— Ну такъ какъ же вы подымете насъ въ Азію, коль у насъ лѣнтяи? Да и кто у насъ подымется первый, еслибъ даже и доказать всѣмъ какъ дважды два, что тамъ наше счастье?

— Въ Европѣ мы были приживальщики и рабы, а въ Азію явимся господами. Въ Европѣ мы были татарами, а въ Азіи и мы европейцы. Миссія, миссія наша цивилизаторская въ Азіи подкупить нашъ духъ и увлечетъ насъ туда, только бы началось движеніе. Постройте только двѣ желѣзныя дороги, начните съ того,—одну въ Сибирь, а другую въ Среднюю Азію, и увидите тотчасъ послѣдствія.

— Мало захотѣли! засмѣются мнѣ, гдѣ средства и что получимъ: себѣ убытокъ и только.

— Во-первыхъ, еслибъ мы, въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, всего только по три милліона въ годъ на эти дороги откладывали (а три-то милліона у насъ просто сквозь пальцы иной разъ мелькнуть),—то было бы уже теперь выстроено на семьдесятъ пять милліоновъ азіатскихъ дорогъ, т. е. слишкомъ тысячу верстъ, какъ ни считать. Затѣмъ вы толкуете про убытокъ. О, еслибъ вмѣсто насъ жили въ Россіи англичане или американцы: показали бы они вамъ убытокъ! Вотъ они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете-ли что тамъ есть земли, которыя намъ менѣе извѣстны, чѣмъ внутренность Африки? И знаемъ-ли мы какія богатства

заклучаются въ нѣдрахъ этихъ необъятныхъ земель? О, они бы добрались до всего, до металловъ и минералловъ, до безчисленныхъ залежей каменнаго угля,—все бы нашли, все бы розыскали, и матеріаль, и какъ его употребить. Они бы призвали науку, заставили бы землю родить имъ самъ-пятьдесятъ,—ту самую землю, про которую мы все еще думаемъ здѣсь, что это лишь голая, какъ ладонь наша, степь. Къ добытому хлѣбу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу къ нимъ, изыскали бы ихъ въ нѣдрахъ Азіи, гдѣ они дремлютъ теперь милліонами, и дороги бы новыя къ нимъ провели!

— Ну, такъ какъ же вы восклицаете про науку, и сами склоняете насъ къ измѣнѣ наукъ и просвѣщенію, приглашая насъ стать азіатами.

— Да науки-то тамъ еще больше потребуется! (восклицаю и я),—ибо что мы теперь въ наукѣ: недоучки и диллетанты. А тамъ станемъ дѣятелями, сама необходимость прижметъ и заставить, чуть лишь подымется самостоятельный предпримчивый духъ—тотчасъ же и въ наукѣ явимся господами, а не прихвостнями, какъ сплошь и рядомъ нынѣ. А главное—цивилизаторская миссія наша въ Азіи, съ самыхъ первыхъ шаговъ (и это несомнѣнно) поймется и усвоится нами. Она возвыситъ нашъ духъ, она придастъ намъ достоинства и самосознанія,—а этого сплошь у насъ теперь нѣтъ, или очень мало. Стремленіе въ Азію, еслибъ только оно зародилось межъ нами, послужило бы сверхъ того исходомъ многочисленнымъ беспокойнымъ умамъ, всѣмъ стосковавшимся, всѣмъ облѣнившимся, всѣмъ безъ дѣла уставшимъ. Устройте истокъ водъ и исчезнетъ плѣсень и вошь. А разъ за-

тянувшись въ дѣло—уже не будутъ скучать, всѣ переродятся. Даже иная бездарность, съ израненнымъ, ноющимъ самолюбіемъ, нашла бы тамъ свой исходъ. Ибо часто въ одномъ мѣстѣ бездарность воскресаетъ въ другомъ—чуть не геніемъ. Это часто и въ европейскихъ колоніяхъ происходитъ. И не опустѣетъ Россія, не бойтесь: начнется постепенно, пойдутъ сначала немногіе, но скоро объ нихъ придутъ слухи и увлекутъ другихъ. И всетаки для моря русскаго это будетъ даже и незамѣтно. Освободите муху изъ патоки, расправьте ей даже какъ можно крылья, и всетаки потянется туда самый ничтожный процентъ населенія, будетъ даже и непримѣтно. А тамъ,—ухъ какъ тамъ будетъ примѣтно! Гдѣ въ Азіи поселится „Урусъ“, тамъ сейчасъ становится земля русскою.—Создалась бы Россія новая, которая и старую бы возродила и воскресила современемъ и ей же пути ея разъяснила. Но для всего этого нуженъ новый принципъ и поворотъ. И всѣхъ менѣе потребовалъ бы онъ ломки и потрясеній. Пусть только хоть немного проникнутъ (но проникнутъ), что въ будущемъ Азія нашъ исходъ, что тамъ наши богатства, что тамъ у насъ океанъ; что когда въ Европѣ, уже отъ одной тѣсноты только, заведется неизбежный и претящій имъ самимъ унижительный коммунизмъ, когда цѣлыми толпами станутъ тѣсниться около одного очага и мало-по-малу пойдутъ разрушаться отдѣльныя хозяйства, а семейства начнутъ бросать свои углы и заживутъ сообща коммунами; когда дѣтей будутъ растить въ воспитательныхъ домахъ—(на три четверти подкидышами), тогда—тогда у насъ все еще будетъ просторъ и ширь, поля и лѣса, и дѣти наши будутъ расти у отцовъ своихъ, не въ каменныхъ мѣшкахъ, а сре-

ди садовъ и засѣянныхъ полей, видя надъ собою чистое небо. Да, много тамъ нашихъ надеждъ заключено и много возможностей, о которыхъ мы здѣсь и понятія еще составить не можемъ во всемъ объемѣ! Не одно только золото тамъ въ почвѣ спрятано. Но нуженъ новый принципъ. Новый принципъ и потребныя на дѣло деньги родить. Ибо къ чему намъ, если ужъ все говорить,—къ чему намъ (и особенно въ теперешнюю минуту) содержать тамъ, въ Европѣ, хотя бы столько посольствъ съ такимъ, столь дорого стоящимъ, блескомъ, съ ихъ тонкимъ остроуміемъ и обѣдами, съ ихъ великолѣпнымъ, въ убыточнымъ персоналомъ. И что намъ тамъ (и именно теперь) до какихъ-то Гамбеттъ, до папы и его дальнѣйшей участи, хотя бы и угнеталъ его Бисмаркъ? Не лучше ли, напротивъ, на время, въ глазахъ Европы, прибѣдиться, сѣсть на дорожкѣ, шапочку передъ собой положить, грошики собирать: дескать „la Russie опять se geseuille“. А дома-бы тѣмъ временемъ собираться, внутри-бы тѣмъ временемъ созидаться! Скажутъ: къ чему-жъ унижаться. Да и не унизимся вовсе! Я вѣдь только въ видѣ аллегоріи про шапочку сказалъ. Не то что не унизимся, а разомъ повысимся, вотъ какъ будетъ! Европа хитра и умна, сейчасъ догадается и, повѣрьте, начнетъ насъ тотчасъ-же уважать! О, конечно, самостоятельность наша ее, на первыхъ порахъ, озадачитъ, но отчасти ей и понравится. Коль увидить что мы въ „угрюмую экономію“ вступили и рѣшились по одежкѣ протигивать ножи, увидить что и мы тоже стали расчетливыми и свой рубль сами первые бережемъ и цѣнимъ, а не дѣлаемъ его изъ бумажки, то и они тоже тотчасъ-же нашъ рубль, на своихъ рынкахъ, цѣнить начнутъ.

Да чего,—увидать что мы даже дефицитовъ и банкротствъ не боимся, а прямо къ своей точкѣ ломимъ, то сами-же придутъ къ намъ денегъ предлагать,—и предложить уже какъ серьезнымъ людямъ, уже научившимся дѣлу и тому какъ надо каждое дѣло дѣлать...

— Пойдите, — слышится голосъ, — вотъ вы однакоже про Гамбетту, но намъ нельзя тамъ бросать. Хотя бы тотъ же Восточный вопросъ на первый случай: вѣдь онъ остается; какъ же мы уйдемъ отъ него?

На счетъ Восточнаго вопроса я-бы вотъ что сказалъ въ эту минуту: Вѣдь въ эту минуту у насъ, въ политическихъ сферахъ, не найдется можетъ быть ни единого политическаго ума, который бы признавалъ за здравое что Константинополь долженъ быть нашъ,—(кромя развѣ какъ въ отдаленномъ, загадочномъ еще нашемъ грядущемъ). А коли такъ, такъ чего-же намъ больше ждать? Вся суть Восточнаго вопроса въ эту минуту заключается въ союзѣ Германіи съ Австріей, да еще въ австрійскихъ захватахъ въ Турціи, поощряемыхъ княземъ Бисмаркомъ. Мы можемъ и будемъ конечно, протестовать, въ крайнихъ ужъ какихъ нибудь случаяхъ, но пока эти обѣ націи вкупѣ — что же мы можемъ сдѣлать теперь безъ огромныхъ для насъ потрясеній? Замѣьте, что союзникамъ можетъ только того и надо, чтобъ мы наконецъ разсердились. Славянскіе же народы мы можемъ по прежнему поощрять и любить, даже помогать имъ чѣмъ можно при случаѣ. Къ тому же очень-то они не погибнуть въ какой-нибудь срокъ. А срокъ можетъ даже очень скоро кончиться. Вѣдь только-бы мы видъ показали, что въ Европу столь вмѣшиваться какъ прежде мы уже не желаемъ, то они тамъ, безъ насъ-то оставшись, можетъ еще скорѣй перессо-

рятся. Въдѣ никогда-то не повѣритъ Австрія, что Германія ее столь возлюбила единственно за ее прекрасные глаза. Въдѣ она слишкомъ знаетъ, на-противъ, что Германіи всетаки надо, въ концѣ концовъ, ее австрійскихъ нѣмцевъ къ германскому единству присоединить. А своихъ нѣмцевъ Австрія ни за что не уступитъ, даже еслібъ давали Константинополь за нихъ—до того ихъ дорого цѣнить! Матерьялъ-то для распрей стало быть тамъ уже есть. А тутъ еще подѣ-бокѣмъ у Германіи все тотъ же неразрѣшенный французскій вопросъ, теперь для нея уже вѣчный. А тутъ, сверхъ того, даже самое объединеніе Германіи, вдругъ оказывается, не только незавершено, а даже грозитъ колебаніемъ. А тутъ, оказывается, и социализмъ европейскій не только не умеръ, а даже очень и очень продолжаетъ грозить. Однимъ словомъ намъ стоитъ только дожидаться и не вмѣшиваться даже когда звать начнутъ, и чуть только грянетъ тамъ—у нихъ распря, и затрепичитъ ихъ „политическое равновѣсіе“,—разомъ покончить и Восточный вопросъ, выбравъ мгновеніе какъ и во франко-прусскую войну, вдругъ заявить, какъ тогда насчетъ Чернаго моря мы заявили: „не желаемъ-

де австрійскихъ захватовъ въ Турціи признавать“ и разомъ исчезнуть захваты, можетъ быть и съ Австріей вмѣстѣ.

Вотъ и наворачиваемъ все, что на время какъ будто-бы упустили...

— Ну, а Англія? Вы упускаете Англію. Увидавъ наше стремленіе въ Азію, она тотчасъ взволнуется.

— „Англіи бояться—никуда не ходить, возражаю я передѣланною на новый ладъ пословицей. Да и ничѣмъ новымъ она не взволнуется, ибо все тѣмъ же волнуется и теперь. Напротивъ, теперь-то мы и держимъ ее въ смущеніи и невѣдѣніи на счетъ будущаго и она ждетъ отъ насъ всего худшаго. Когда же пойметъ настоящій характеръ всѣхъ нашихъ движеній въ Азіи, то можетъ быть сбавитъ многое изъ своихъ опасеній... Впрочемъ я согласенъ, что не сбавитъ и что до этого еще ей далеко. Но, повторяю: Англіи бояться—никуда не ходить! А потому и опять таки: Да здравствуетъ побѣда у Геокъ-Тепе! Да здравствуетъ Скобелевъ и его солдатики и вѣчная память „выбывшимъ изъ списковъ“ богатырямъ! Мы въ наши списки ихъ занесемъ.“

Ө. Достоевскій.

Этотъ выпускъ продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, въ Москвѣ: у Соловьева, Живарева, Кашкина, Мамонтова, Васильева, въ Казани у Дубровина и въ магазинѣ „Восточная Лира“, въ Кіевѣ у Гинтера и Малецкаго, въ Южно-русскомъ Книжномъ Магази́нѣ, у Оглоблина (Литова) и у Иогансена, въ Одессѣ: у Бѣлаго, въ Харьковѣ, у Геевскаго, въ Воронежѣ и Тулѣ: у Аносова, въ Тамбовѣ: у Зотова, въ Тифлисѣ: у Беренштама, въ Черниговѣ: у Данюшевскаго, въ Варшавѣ: у Истомина, въ Томскѣ: у Макушина, въ Козловѣ: у Муравьева, въ Нѣжинѣ: у Куриленко.

Цѣна настоящему выпуску «Дневникъ Писателя» въ отдѣльной продажѣ 30 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1881 года.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

ГОДЪ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ.

II-й,

1877.

Я Н В А Р Ъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячное изданіе Ф. М. Достоевскаго

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

НА 1877 годъ.

(ДВѢНАДЦАТЬ ВЫПУСКОВЪ ВЪ ГОДЪ).

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго прифта, въ форматѣ еженедѣльныхъ газетъ нашихъ.

Каждый выпускъ будетъ выходить въ послѣднее число каждаго мѣсяца и продаваться отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 25 копѣекъ. Желаящіе подписаться на все годовое изданіе впередъ пользуются уступкою и платятъ лишь два рубля (безъ доставки и пересылки), а съ пересылкою или доставкою на домъ два рубля пятьдесятъ копѣекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (гостинный дворъ № 24) и въ книжномъ „Магазинѣ для иногородныхъ“, Невскій пр., № 44.

Въ Москвѣ: въ „Центральномъ книжномъ магазинѣ“, Никольская, д. Славянскаго Базара,

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА выпускровъ производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга, въ Москвѣ: у Салаева, Живарева, Кашкина, Мамонтова, Васильева и др., въ Казани у Дубровина, въ Кіевѣ у Гинтера и Малецкаго, въ Южно-русскомъ Книжномъ Магазинѣ, у Оглоблина (Литова) и у Корейво, въ Одессѣ: у Распопова и Бѣлаго, въ Харьковѣ у Геевскаго и Куколевскаго, въ Воронежѣ и Тулѣ: у Аносова, въ Тамбовѣ: у Зотова,

безъ сомнѣнія онѣ вышли изъ одного и того же невѣжества, то есть изъ совершеннаго незнанія своей религiи.

III.

Өома Даниловъ, замученный русскiй герой.

Въ прошломъ году, весною, было перепечатано во всѣхъ газетахъ извѣстiе, явившееся въ „Русскомъ Инвалидѣ“ о мученической смерти унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталiона, Өоми Данилова, захваченнаго въ плѣнъ Кипчаками и варварски умерщвленнаго ими послѣ многочисленныхъ и утонченнѣйшихъ истязанiй, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ, за то что не хотѣлъ перейти къ нимъ въ службу и въ магометанство. Самъ ханъ обѣщалъ ему помилованiе, награду и честь, если согласится отречься отъ Христа. Даниловъ отвѣчалъ, что измѣнить онъ кресту не можетъ и, какъ царскiй подданный, хотя и въ плѣну, долженъ исполнить къ Царю и къ христіанству свою обязанность. Мучители, замучивъ его до смерти, удивились силѣ его духа и называли его баатыремъ, т. е. по русски богатыремъ. Тогда это извѣстiе, хотя и сообщенное всѣми газетами, прошло какъ-то безъ особеннаго разговора въ обществѣ, да и газеты, сообщивъ его въ видѣ обыкновеннаго газетнаго *entre-filet*, не сочли нужнымъ особенно распространиться о немъ. Однимъ словомъ, съ Өомой Даниловымъ „было тихо“, какъ говорятъ на биржѣ. Потомъ, какъ извѣстно, наступило славянское движеніе, явились Черняевъ, Сербъ, Кирѣевъ, пожертвованiя, добровольцы, и объ Өомѣ замученномъ

позабыли совсѣмъ, (т. е. въ газетахъ), и вотъ недавно только получились къ прежнему извѣстiю дополнительныя подробности. Сообщаютъ опять, что Самарскiй губернаторъ навелъ справки о семействѣ Данилова, происшедшаго изъ крестьянъ села Кирсановки, Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, и оказалось, что у него остались въ живыхъ жена Евфросинья 27 лѣтъ и дочь Улита шести лѣтъ, находившіяся въ бѣдственномъ положенiи. Имъ помогли по благородному почину Самарскаго губернатора, обратившагося къ нѣкоторымъ людямъ съ просьбою помочь вдовѣ и дочери замученнаго русскаго героя и къ самарскому губернскому земскому собранію съ предложенiемъ не пожелаетъ—ли оно помѣстить дочь Данилова стипендіаткой въ одно изъ учебныхъ заведенiй. Затѣмъ собрали 1320 рублей и изъ нихъ шестьсотъ отложили дочери до совершеннолѣтія, а остальную сумму выдали самой вдовѣ на руки, а дочь Данилова приняли въ учебное заведеніе. Кромѣ того начальникъ Главнаго Штаба уведомилъ губернатора о всемилостивѣйше назначенной вдовѣ Данилова пожизненной пенсiи изъ Государственнаго Казначейства, по сто двадцати рублей въ годъ. Затѣмъ, — затѣмъ дѣло вѣроятно опять будетъ забыто въ виду текущихъ тревогъ, политическихъ опасенiй, огромныхъ вопросовъ ждущихъ разрѣшенія, краховъ и пр. и пр.

О, я вовсе не хочу сказать, что наше общество отнеслось къ этому поразительному поступку равнодушно, какъ къ нестоящему вниманiю. Фактъ лишь тотъ, что немного говорили, или лучше, почти никто не говорилъ объ этомъ *особенно*. Впрочемъ, можетъ быть

и говорили гдѣ нибудь про себя, у купцовъ, у духовныхъ напимѣрь, но не въ обществѣ, не въ интеллигенціи нашей. Въ народѣ конечно эта великая смерть не забудется: этотъ герой принялъ муки за Христа и есть великій русскій; народъ это оцѣнитъ и не забудетъ, да и никогда онъ такихъ дѣлъ не забываетъ. И вотъ я какъ будто уже слышу нѣкоторые столь извѣстные мнѣ голоса: „Сила то конечно сила, и мы признаемъ это, но вѣдь все же — темная, проявившаяся слишкомъ ужъ такъ сказать въ допотопныхъ, оказавшихся формахъ, а потому — что же намъ *особенно*-то говорить? Не нашего это міра; другое бы дѣло сила проявившаяся интеллигентно, сознательно. Есть дескать и другіе страдальцы и другія силы, есть и идеи безмѣрно высшія — идея общечеловѣчности напимѣрь“...

Не смотря на эти разумные и интеллигентные голоса мнѣ все же кажется позволительнымъ и вполнѣ извинительнымъ сказать нѣчто *особенное* и объ Даниловѣ; мало того, я даже думаю, что и самая интеллигенція наша вовсе бы себя не столь унизила еслибъ отнеслась къ этому факту повнимательнѣе. Меня, напимѣрь, прежде всего удивляетъ, что не обнаружилось никакого удивленія; именно удивленія. Я не про народъ говорю: тамъ удивленія и не надо, въ немъ удивленія и не будетъ; поступокъ Оомы ему не можетъ казаться необыкновеннымъ, уже по одной великой вѣрѣ народа въ себя и въ душу свою. Онъ отзовется на этотъ подвигъ лишь великимъ чувствомъ и великимъ умиленіемъ. Но случись подобный фактъ въ Европѣ, т. е. подобный фактъ проявленія великаго духа, у англичанъ, у французовъ, у нѣмцевъ, и они навѣрно прокричали

бы о немъ на весь міръ. Нѣтъ, послушайте, господа, знаете-ли какъ мнѣ представляется этотъ темный безвѣстный Туркестанскаго батальона солдатъ? Да вѣдь это такъ сказать — эмблема Россіи, всей Россіи, всей нашей народной Россіи, подлинный образъ ея, вотъ той самой Россіи, въ которой циники и премудрые наши отрицаютъ теперь великій духъ и всякую возможность подъема и проявленія великой мысли и великаго чувства. Послушайте, вѣдь вы все же не эти циники, вы всего только люди интеллигентно — европействующие, т. е. въ сущности предобрѣйшіе: вѣдь не отрицаете же и вы, что лѣтомъ народъ нашъ проявилъ мѣстами чрезвычайную силу духа: люди покидали свои дома и дѣтей и шли умирать за вѣру, за угнетенныхъ, Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ съ какими средствами, точь въ точь какъ первые крестоносцы девять столѣтій тому назадъ въ Европѣ, — тѣ самые крестоносцы, которыхъ появленіе вновь, Грановскій напимѣрь, считалъ бы чуть-ли не смѣшнымъ и обиднымъ „въ нашъ вѣкъ положительныхъ задачъ, прогресса“ и проч и пр. Пусть это лѣтнее движеніе наше по вашему было слѣпое и даже какъ бы не разумное, такъ сказать „крестоносное“, но вѣдь твердое же и великодушное, въ этомъ нельзя не сознаться если чуть-чуть по шире посмотрѣть. Просыпалась великая идея, вознесшая можетъ быть сотни тысячъ и милліоновъ душъ разомъ надъ косностью, цинизмомъ, развратомъ и безобразіемъ, въ которыхъ купались до того эти души. Вѣдь вы знаете, народъ нашъ считаютъ до сихъ поръ хоть и добродушнымъ и даже очень умственно-способнымъ, но все же темной стихійной массой, безъ сознанія, преданной поголовно поро-

камъ и предрасудкамъ, и почти сплошь безобразникомъ. Но видите-ли, я осмѣлюсь высказать одну даже такъ сказать аксіому, а именно: чтобъ судить о нравственной силѣ народа и о томъ къ чему онъ способенъ въ будущемъ, надо брать въ соображеніе не ту степень безобразія, до котораго онъ временно, и даже хотя бы и въ большинствѣ своемъ можетъ унизиться, а надо брать въ соображеніе лишь ту высоту духа, на которую онъ можетъ подняться, когда придетъ тому срокъ. Ибо безобразіе есть несчастье временное, всегда почти зависящее отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ и преходящихъ, отъ рабства, отъ вѣковаго гнета, отъ загроубѣлости, а даръ великодушія есть даръ вѣчный, стихійный, даръ родившійся вмѣстѣ съ народомъ и тѣмъ болѣе чтимый если и въ продолженіи вѣковъ рабства, тяготы и нищеты онъ все таки уцѣлѣетъ, неповрежденный, въ сердцѣ этого народа.

Ома Даниловъ съ виду можетъ быть однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и непримѣтныхъ экземпляровъ народа русскаго, непримѣтныхъ какъ самъ народъ русскій. (О, онъ для многихъ еще совсѣмъ непримѣтен!). Можетъ быть въ свое время не прочъ былъ погулять, выпить, можетъ быть даже не очень молился, хотя конечно Бога всегда помнилъ. И вотъ вдругъ велятъ ему переѣхать вѣру, а не то—мученическая смерть. При этомъ надо вспоминать что такое бывають эти муки, эти азіатскія муки! Предъ нимъ самъ ханъ, который обѣщаетъ ему свою милость, и Даниловъ отлично понимаетъ, что отказъ его непременно раздражитъ хана, раздражитъ и самолюбіе Кипчаковъ тѣмъ, „что смѣетъ дескать христіанская собака такъ презирать исламъ“. Но не

смотря на все что его ожидаетъ, этотъ непримѣтный русскій человѣкъ принимаетъ жесточайшія муки и умираетъ удививъ истязателей. Знаете что, господа, вѣдь изъ насъ никто бы этого не сдѣлалъ. Пострадать на виду иногда даже и красиво, но вѣдь тутъ дѣло произошло въ совершенной безвѣстности, въ глухомъ углу; никто не смотрѣлъ на него; да и самъ Ома не могъ думать и навѣрно не предполагалъ, что его подвигъ огласится по всей землѣ Русской. Я думаю, что иные великомученики, даже и первыхъ вѣковъ христіанскихъ, отчасти все же были утѣшены и облегчены, принимая свои муки, тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть ихъ послужитъ примѣромъ для робкихъ и колеблющихся и еще большихъ привлечетъ къ Христу. Для Омы даже и этого великаго утѣшенія быть не могло: кто узнаетъ, онъ былъ одинъ среди мучителей. Былъ онъ еще молодъ, тамъ гдѣ-то у него молодая жена и дочь, никогда то онъ ихъ теперь не увидитъ, но пусть: „гдѣ бы я ни былъ противъ совѣсти моей не поступлю и мученія приму“,—подлинно ужъ правда для правды, а не для красоты! И никакой фивиды, никакого софизма съ совѣстью: „Приму де исламъ для виду, соблазна не сдѣлаю, никто вѣдь не увидитъ, потомъ отмолюсь, жизнь велика, въ церковь пожертвую, добрыхъ дѣлъ надѣлаю“. Ничего этого не было, честность изумительная, первоначальная, стихійная. Нѣтъ, господа, врядъ ли мы такъ поступили бы!

Но то мы, а для народа нашего, повторю, подвигъ Данилова можетъ быть даже и не удивителенъ. Въ томъ-то и дѣло, что тутъ именно—какъ бы портретъ, какъ бы всецѣлое изображе-

ніе народа русскаго, тѣмъ то все это и дорого для меня, и для васъ разумѣтся. Именно народъ нашъ любить точно также правду для правды, а не для красоты. И пусть онъ грубъ, и безобразенъ, и грѣшенъ, и непримѣтенъ, но приди его срокъ и начнись дѣло всеобщей всенародной правды и васъ изумитъ та степень свободы духа, которую проявитъ онъ передъ гнетомъ матеріализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже передъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И все это онъ сдѣлаетъ и проявитъ просто, твердо, не требуя ни награды, ни похвалъ, собою не красуясь: „Во что вѣрую то и исповѣдую“. Тутъ даже самые ожесточенные спорщики на счетъ „ретроградства“ идеаловъ народныхъ не могутъ имѣть никакого слова, ибо дѣло вовсе уже не въ томъ: ретрограденъ идеалъ или нѣтъ? А лишь въ способности проявленія величайшей воли ради подвига великодушія. (Эту смѣшную идейку о „ретроградствѣ“ идеаловъ я ввелъ здѣсь ради полного беспристрастія).

Знаете, господа, надо ставить дѣло прямо: я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ. Это софизмъ разумѣтся, но онъ иногда приходитъ на умъ. О, конечно мы образованнѣе его, но чему мы однако научимъ его — вотъ бѣда! Я разумѣтся не про ремесла говорю, не про технику, не про математическія знанія, — этому и нѣмцы заѣзжіе по найму научать если мы не научимъ, нѣтъ, а мы то чему? Мы вѣдь Русскіе, братья этому народу, а стало быть обязаны *просвѣтить* его. Нравственное — то, высшее — то что ему передадимъ, что разъясимъ и чѣмъ освѣтимъ эти „темныя“ души?

Просвѣщеніе народа это, господа, наше право и наша обязанность, — право это въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ: кто знаетъ доброе, кто знаетъ истинное слово жизни, тотъ долженъ, обязанъ сообщить его незнающему, блуждающему во тьмѣ брату своему, такъ по Евангелію. Ну и что же мы сообщимъ блуждающему чего бы онъ самъ не зналъ лучше нашего? Прежде всего, конечно, „что ученіе полезно и что надо учиться, такъ-ли? Но народъ еще прежде нашего сказалъ что „ученье — свѣтъ, неученье — тьма“. Уничтоженію предразсудковъ напимѣръ, низверженію идоловъ? Но вѣдь въ насъ самихъ такая бездна предразсудковъ, а идоловъ мы столько себѣ наставили, что народъ прямо скажетъ намъ: „Врачу — изцѣлися самъ“. (А идоловъ нашихъ онъ отлично умѣетъ уже разглядывать!) Что же, самоуваженію, собственному достоинству? Но народъ нашъ, весь, въ цѣломъ своемъ, гораздо болѣе нашего уважаетъ себя, гораздо глубже нашего чтитъ и понимаетъ свое достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, мы самолюбивы ужасно, но вѣдь мы совсѣмъ не уважаемъ себя, и собственного достоинства въ насъ вовсе нѣтъ никакого и даже ни въ чемъ. Ну намъ ли, напимѣръ, научить народъ уваженію къ чужимъ убѣжденіямъ? Народъ нашъ доказалъ еще съ Петра Великаго — уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ, а мы и между собою не прощаемъ другъ другу ни малѣйшаго отклоненія въ убѣжденіяхъ нашихъ и чуть-чуть несогласныхъ съ нами считаемъ уже прямо за подлецовъ, забывая, что кто такъ легко склоненъ терять уваженіе къ другимъ, тотъ прежде всего не уважаетъ себя. Ну намъ ли учить народъ вѣрѣ въ

себя самого и въ свои силы? У народа есть Оомы Даниловы и ихъ тысячи, а мы совѣмъ и не вѣримъ въ русскія силы, да и невѣріе это считаемъ за высшее просвѣщеніе и чуть не за доблесть. Ну чему же наконецъ мы научить можемъ? Мы гнушаемся, до злобы почти, всѣмъ тѣмъ что любить и чтить народъ нашъ и къ чему рвется его сердце. Ну какіе же мы народолюбцы? Возражать, что тѣмъ больше стало быть любимъ народъ коли гнушаемся его невѣжествомъ желая ему лучшаго. О, нѣтъ господа, совѣмъ нѣтъ: еслибъ мы вправду и на дѣлѣ любили народъ, а не въ статейкахъ и книжкахъ, то мы бы поближе подошли къ нему и озаботились-бы изучить то, что теперь совѣмъ на обумъ, по Европейскимъ шаблонамъ, желаемъ въ немъ истребить: тогда можетъ и сами научились бы столь многому, чего и представить теперь даже не можемъ.

Есть у насъ впрочемъ одно утѣшеніе, одна великая наша гордость передъ народомъ нашимъ, а потому-то мы такъ и презираемъ его: это то, что онъ націоналенъ и стоитъ на томъ изо всей силы, а мы—общечеловѣческихъ убѣжденій, да и цѣль свою поставили въ общечеловѣчности, а стало быть безмѣрно надъ нимъ возвысились. Ну вотъ въ этомъ и весь раздоръ нашъ, весь и разрывъ съ народомъ, и я прямо провозглашаю: уладь мы этотъ пунктъ, найди мы точку примиренія и разомъ кончилась бы вся наша рознь съ народомъ. А вѣдь этотъ пунктъ есть, вѣдь его найти чрезвычайно легко. Рѣшительно повторяю, что самыя даже радикальныя несогласія наши въ сущности одинъ лишь миражъ.

Но что же это за пунктъ примиренія?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Примирительная мечта внѣ науки.

И прежде всего выставлю самое спорное и самое щекотливое положеніе и съ него начинаю:

„Всякій великій народъ вѣрить и долженъ вѣрить, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, приобщить ихъ всѣхъ къ себѣ во едино и вести

ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли всѣмъ имъ предназначенной“.

Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности, каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное мировое вліяніе на судьбы человѣчества. Такъ безспорно было съ древнимъ Римомъ, такъ потомъ было съ Римомъ въ католическое время его существованія. Когда католическую идею его унаслѣдовала